

ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ДИКАРЬ ВОЛЬТЕРА

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

“Диалог между дикарем и бакалавром” увиден в свет в 1761 году в женевском “Сборнике работ по литературе, истории, философии и пр.” (“Mélanges de littérature, d’histoire, de philosophie etc.”). Это типично вольтеровский текст, изящный и язвительный, компенсирующий недостаток философского глубокомыслия совершенством литературного стиля.

Существует вольный русский перевод XVIII века, изданный П. Богдановичем. Перевод был помещен в приложении к небольшому сочинению вольтерьянской закладки — “Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света” [1]. Автор сочинения не указан, однако Ю. Лотман не сомневается, что Богданович написал его собственноручно [см.: 2].

Из предшествующего переводу “Предупреждения” узнаём, что самые великие философы были “только суетными людьми”; завершается же оно декларацией радикального сенсуализма: “Читатель увидит, что если разум нас иногда обманывает, то чувства не обманывают никогда, и если оные не показывают причины всему, то, по крайней мере, научают нас сомневаться” [1, с. 4].

Переводчик не слишком заботился о точности и к тому же наделал ошибок: так, в последней реплике бакалавра булла (constitution) Римского папы перепутана с телосложением человека. Впоследствии “Диалог” был предан забвению и не вошел ни в одно русскоязычное издание Вольтера.

В вольтеровской миниатюре, современный перевод которой публикуется ниже, обнаруживается квинтэссенция взглядов мыслителя на мир, на природу человека и правильный образ мысли. Взгляды эти озвучивает добрый дикарь (bon sauvage) — любимый типаж эпохи Просвещения, несколькими годами ранее воспетый в “Рассуждении о проис-

**Вольтер,
сидящий в кресле.
Статуя, созданная
Жаном-Антуаном
Гудоном по заказу
Екатерины II. 1781.
Эрмитаж**

хождении и основаниях неравенства между людьми” Ж.-Ж. Руссо (1755). Ко времени написания “Диалога” Вольтер успел насмерть рассориться с “жизненным гражданином”, и его Дикарь явно замыслился как альтернатива “естественному человеку” (“l’homme naturel”) Руссо.

Первым же вопросом Бакалавр предоставляет собеседнику возможность опровергнуть два ключевых тезиса Руссо, — что тут же и происходит: человек рожден для общества, заявляет Дикарь, и общественный интерес превыше всего. Этот индеец, как выясняется, — человек вполне цивилизованный, просто его цивилизация очень отличается от европейской. Менее утонченная и продвинутая технически, она гораздо гуманнее, а образ жизни ее граждан — куда более здоровый и добродетельный.

Бакалавр глуповат, болтлив и самоуверен, в голове его — каша из школьных понятий, ведущих свою родословную от учений Р. Декарта и Г.В. Лейбница. В беседе с Дикарем данные понятия утрируются и доводятся до абсурда. Вольтер не пытается спорить всерьез, вникая в чужие доводы и выдвигая свои в ответ. Собственные мнения философ-просветитель преподносит как глас самой природы, а противные — осыпает насмешками.

Отвлеченной рефлексии Вольтер противопоставляет обычный здравый смысл (bon sens) в духе британской эмпирической философии. Его Дикарь подчас напоминает ученика школы Дж. Локка, именуемой “идеями” первые встречные образы чувств и объявляющей частную собственность первоосновой общества (опять же, в пику Руссо, для которого она главный источник зла — общественного неравенства и душевных пороков людей). В дальнейшем мыслитель еще вернется к образу доброго дикаря — в “Простодушном” (“L’Ingénu”, 1767), где швырнет своего героя в водоворот превратностей “цивилизации”.

И у Руссо, и у Вольтера дикарь служит своего рода экраном, на который проецируются их гуманистические идеалы. Каждый по-своему, философы экспериментируют с этим идеальным образом, отлично соизнавая, насколько далеким от реальности он бывает. Кому из них такой мысленный опыт удался лучше — читатель рассудит сам.

Литература

1. Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света / изд-е П. Богдановича. СПб., 1781, “второе тиснение” 1790.
2. *Лотман Ю.М.* О русской литературе. СПб.: Искусство — СПб, 1997. С. 185–186.

© 2017 А.Д. МАЙДАНСКИЙ, профессор
М.А. МАЙДАНСКИЙ, студент 5-го курса
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

ДИАЛОГ МЕЖДУ ДИКАРЕМ И БАКАЛАВРОМ

Вольтер

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

Беседа первая

Губернатор Кайенны¹ привез с собой дикаря из Гвианы, отличавшегося большим врожденным здравомыслием [bon sens] и довольно хорошо изъяснявшегося по-французски. Парижский бакалавр имел честь вступить с ним в эту беседу.

БАКАЛАВР. Г-н Дикарь, вы несомненно видели многих ваших товарищей, проводящих свою жизнь в полном одиночестве, ибо считается, что это и есть путь истинной жизни и что общество искусственно портит человека?²

ДИКАРЬ. Никогда не видел таких людей. Человек кажется мне рожденным для общества, как и некоторые другие виды животных. Всякий вид следует своему инстинкту; у нас же все живут в обществе.

БАКАЛАВР. Как?! В обществе! Тогда у вас должны быть прекрасные города с каменными стенами, короли с придворными, спектакли, монастыри, университеты, библиотеки и питейные заведения?

ДИКАРЬ. Нет, но я слышал, что на вашем континенте были арабы и скифы, всего этого никогда не знавшие, и что они создали немалые государства, разве не так? Мы живем, как те люди. Соседствующие семьи помогают друг другу; у нас теплый край, где для жизни потребно немного; мы легко можем обеспечить себе пропитание; мы женимся, заводим детей, растим их и умираем. Всё так же, как и у вас, кроме некоторых обрядов.

БАКАЛАВР. Так значит, сударь, вы не дикарь?

ДИКАРЬ. Не знаю, что вы подразумеваете под этим словом.

¹ Кайенна (Cayenne) — административный центр Французской Гвианы в Южной Америке.
² Утверждения Ж.-Ж. Руссо.

SECONDE SUITE
D E S
MÉLANGES
D E
LITTÉRATURE,
D'HISTOIRE,
DE PHILOSOPHIE &c.

M D C C L X I V.

Титульный лист второго издания вольтеровского сборника, в котором был опубликован «Диалог между дикарем и бакалавром» (1764)

БАКАЛАВР. Право же, сам не знаю — должно быть, я несу вздор. Мы зовем дикарем человека скверного нрава, избегающего компании.

ДИКАРЬ. Говорил же я вам, что мы живем сообща, семействами.

БАКАЛАВР. Еще мы называем дикими зверей, не прирученных и обитающих в лесах, и называем дикарем человека, который живет в лесу.

ДИКАРЬ. Я хожу в лес, как и вы сами, когда охотитесь.

БАКАЛАВР. Размышляете ли вы иногда?

ДИКАРЬ. Нельзя же не иметь каких-либо мыслей.

БАКАЛАВР. Тогда мне было бы любопытно знать, каковы эти мысли. Что вы думаете о человеке?

ДИКАРЬ. Я думаю, что это двуногое животное, способное мыслить, разговаривать и смеяться, пользующееся своими руками куда ловчее, чем обезьяна. Я видел несколько типов людей — белых, как вы, краснокожих, как я, черных, как те, что живут у г-на губернатора Кайенны. У Вас есть борода, у нас ее нет; у негров на голове шерсть, а у нас с вами — волосы. Говорят, что на вашем севере у всех людей волосы светлые, в нашей Америке они всегда черные. Сверх того я ничего и не знаю.

БАКАЛАВР. Но ваша душа, сударь, что же ваша душа? Как вы ее себе представляете? Откуда она берется? что это такое? что она делает? как она действует? куда она уходит?

ДИКАРЬ. Понятия не имею, никогда ее не видал.

БАКАЛАВР. К слову, что вы думаете о зверях — являются ли они машинами?

ДИКАРЬ. Они кажутся мне слаженными машинами [des machines organisées], у которых есть чувства и память.

БАКАЛАВР. А что насчет вас, г-н Дикарь, — как полагаете, что делает вас выше этих зверей?

ДИКАРЬ. Во сто крат лучшая память, гораздо большее число идей и, как я вам уже говорил, язык, образующий несравненно больше звуков, чем язык зверей; а еще — более умелые руки и способность смеяться, которую один великий умник [un grand raisonneur] вынуждает меня упражнять.

БАКАЛАВР. Но, простите, как вы ко всему этому пришли? и какова природа вашего ума? как ваша душа приводит в движение ваше тело? всегда ли вы мыслите?³ свободна ли ваша воля?

ДИКАРЬ. Вот так вопросы. Вы спрашиваете меня, как я могу владеть тем, что Бог соблаговолил дать человеку, — это все равно что спросить, как я родился. Надо полагать, коль скоро я рожден человеком, у меня имеется то, из чего состоит человек, так же как и у дерева есть своя кора, корни и листья.

Вольтер
Диалог
между дикарем
и бакалавром

³ По этому вопросу П. Гассенди, а затем Дж. Локк полемизировали с Р. Декартом. Последний утверждал, что мышление — неотъемлемый атрибут души и она мыслит всегда; просто мы не помним большинства своих мыслей — не только посещавших душу в утробе матери или во сне, но и совсем недавних. Локк же считал, что душа может мыслить или не мыслить — подобно тому, как тело может двигаться либо покоиться; и каждый случай сна без сновидений опровергает мнение, будто душа непрерывно мыслит.

Образ доброго дикаря в эпоху Просвещения. Индеец Шактас оплакивает Агалу (по повести Шатобриана). Полотно кисти Анн-Луи Жироде. 1808

Вы допытываетесь, что́ я знаю о природе своего ума, — я не могу этого знать: ум дан мне не мною самим. И не лучше осведомлен о том, как моя душа движет моим телом. Мне думается, что надобно узреть главную пружину ваших часов⁴, чтобы судить о том, как они показывают время. Вы спрашиваете, всегда ли я мыслю. Нет, иногда у меня возникают полуидеи [demi-idées], когда я смутно вижу предмет вдаль; порой бывают идеи более яркие, когда я вижу предмет вблизи и различаю лучше; иногда же у меня нет вообще никаких идей — так же, как я ничего не вижу с закрытыми глазами. И наконец, вы спрашиваете, свободна ли моя воля. Тут я вас вовсе не понимаю: ведь это вы и так, без сомнения, знаете; сделайте милость, объясните мне это сами.

БАКАЛАВР. О, разумеется, я изучал все эти материи. Я мог бы говорить месяц кряду, не прерываясь, только вы ровно ничего не поняли бы. Скажите-ка мне, разумеете ли вы [природу] добра и зла, справедливого и несправедливого? Знаете ли, какая форма государства наилучшая, какова наилучшая вера, международное право, право публичное, гражданское, каноническое? Как звали первого мужчину и первую женщину, поселившихся в Америке? Знаете ли вы, зачем идет дождь в море и отчего у вас нет бороды?

ДИКАРЬ. Поистине, сударь, вы излишне доверились моим словам о том, что памятью человек превосходит животное: мне трудновато припомнить заданные Вами вопросы. Вы упомянули добро и зло, справедливое и несправедливое. По-

⁴ Главная пружина приводит в движение механические часы; ее требуется завести — сжать, чтобы часы пошли.

моему, то, что доставляет нам удовольствие без вреда для кого-либо и является весьма хорошим и справедливым; то, что причиняет вред людям, не доставляя нам удовольствия, отвратительно; а то, что приносит нам удовольствие, при этом вредя другим, есть сиюминутное благо для нас, весьма опасное для нас же самих и большое зло для других.

БАКАЛАВР. И по этим принципам вы живете в обществе?

ДИКАРЬ. Да, с нашими родителями и соседями. Без особых горестей и печалей мы спокойно живем до ста лет, а многие доживают и до ста двадцати — после чего тела наши удобряют почву, которая нас кормила.

БАКАЛАВР. Сдается мне, у вас светлая голова [une bonne tête], — хотелось бы поворотить ее в другую сторону⁵. Давайте-ка отобедаем вместе, после чего продолжим философствовать методически.

Беседа вторая

ДИКАРЬ. Кажется, я проглотил неподходящую пищу, хоть желудок у меня и хорош; вы заставили меня есть, когда я уже не был голоден, и пить, когда я не ощущал больше жажды. Теперь ноги мои не столь тверды, как до обеда, голова моя тяжела, а мысли уже не так ясны. Никогда прежде я не испытывал такого урона для себя, живя в родных краях. Чем больше здесь наполняют желудок, тем больше утрачивают свое [человеческое] существо. Скажите, прошу вас, к чему причинять себе этакий вред?

БАКАЛАВР. Сейчас я вам это растолкую. Во-первых, что с вашими ногами — я понятия не имею, но врачи знают, вы можете обратиться к ним. Зато я отлично знаю, что произошло в вашей голове, — слушайте⁶. Душа, не занимающая никакого места, обосновалась в шишковидной железе мозга, или в мозолистом теле в центре головы. Поднимающиеся из желудка животные духи⁷ достигают души, которую они не могут затронуть, ибо они материальны, а она — нет. И вот, раз душа и животные духи не могут воздействовать друг на друга, то благодаря этому душа получает о них впечатление; поскольку же она проста, а следовательно, не может подвергаться никаким изменениям, постольку она изменяется, делаясь тяжеловесной, медлительной, когда кто-то переел. Вот отчего многие великие люди спят после обеда.

ДИКАРЬ. То, что вы мне сказали, кажется весьма остроумным и глубокомысленным, но не окажете ли вы милость дать более доступное для меня объяснение?

⁵ Здесь игра слов: французская идиома *renverser la tête* означает "сбить с толку" (дословно "поворотить голову").

⁶ В последующем рассуждении бакалавра Вольтер выставляет в нелепом виде психофизическую теорию Р. Декарта.

⁷ *Esprits animaux* у Р. Декарта — самые мелкие и подвижные частицы крови, циркулирующие по "нервным трубкам" и связующие между собой органы чувств, мозг и мышцы; движением животных духов объяснялись ощущения и автоматические реакции живых тел.

Б А К А Л А В Р. Я рассказал вам все что можно об этом важном деле, но, дабы угодить вам, выскажусь попространнее. Пойдем не спеша. Знаете ли вы, что этот мир — лучший из всех возможных миров⁸?

Д И К А Р Ь. Как! Разве возможно, чтобы бесконечное Существо [l'Être infini] не смогло создать нечто лучшее, нежели то, что мы видим?

Б А К А Л А В Р. То, что мы видим, несомненно и есть наилучшее. Правда, люди грабят и режут друг дружку, но при этом всегда восхваляют справедливость и милосердие. В прошлом было перебито с дюжину миллионов ваших американских собратьев, но лишь с тем, чтобы вразумить остальных. Математик подсчитал, что со времен некой Троянской войны — о которой вы не слыхали — до последней войны в Акадии⁹ — о ней вам известно — в регулярных сражениях было убито не менее пятисот пятидесяти пяти миллионов шестисот пятидесяти тысяч человек, не считая малых детей и женщин, что погибли под руинами городов, обращенных в пепел, — но все это ради общественного блага. Четыре или пять тысяч тяжких болезней, коим подвержены люди, учат ценить здоровье, а покрывающие землю злодеяния как нельзя лучше подчеркивают заслуги благочестивых людей, к числу которых отношусь и я сам. Теперь вы видите, что все в мире идет к лучшему — по крайней мере, для меня.

И все это не могло быть столь совершенным, если бы душа не пребывала в шишковидной железе. Ибо... Впрочем, пойдем шаг за шагом: каковы у вас представления о законах, о справедливом и несправедливом, о прекрасном, τό καλόν¹⁰, как говорил Платон?

Д И К А Р Ь. Но, сударь, идя шаг за шагом, вы говорите мне о тысяче вещей разом.

Б А К А Л А В Р. В разговоре по-иному и не скажешь. А поведайте мне, кто установил законы в вашей стране?

Д И К А Р Ь. Общественный интерес [L'intérêt public].

Б А К А Л А В Р. Многозначительные слова — сильнее и не найти. Что вы имеете под этим в виду, скажите на милость?

Д И К А Р Ь. Я понимаю это так: те, у кого есть кокосовые пальмы и кукуруза, запретили остальным их трогать, а те, у кого ничего нет, обязаны работать, чтобы иметь право съесть какую-то часть урожая. Все, что я видел в моих и ваших краях, учит меня, что не существует никакого иного *духа законов*¹¹.

Б А К А Л А В Р. Ну а женщины, г-н Дикарь, как быть с женщинами?

⁸ Тезис Г.В. Лейбница, осмеянный в вольтеровском "Кандиде". Измученный жизненными невзгодами Кандид вопрошает: "Если это лучший из возможных миров, то каковы же тогда остальные?"

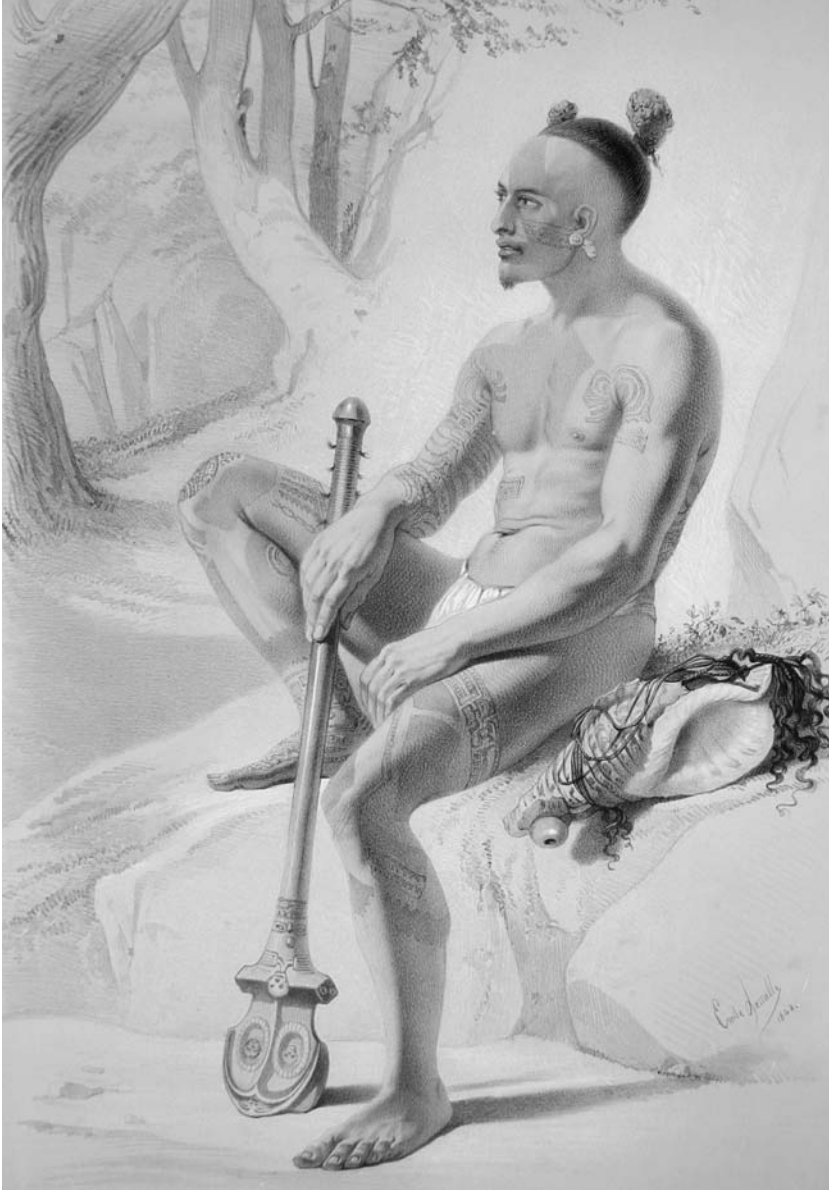
⁹ L'Acadie, старейшая французская провинция в Канаде. В 1755 году в ходе карательной экспедиции англичан большинство местных жителей Акадии были изгнаны со своих земель, а их дома сожжены.

¹⁰ Красота, прекрасное (древнегреч.).

¹¹ Название книги Ш.-Л. Монтескье ("De l'Esprit des lois", 1748).

Вольтер
Диалог
между дикарем
и бакалавром

Луи Ле Бретон.
Житель Маркизовых
островов. 1846

ДИКАРЬ. Женщины? Что ж, они мне очень нравятся, когда они красивы и добры. Женщина ценится у нас гораздо больше, чем кокосовые пальмы; мы не желаем, чтобы к этому плоду прикасался кто-либо, кроме нас самих: никто не вправе отнять у меня жену, так же как и моего ребенка. Говорят, есть народы, которые такое одобряют, — их воля: каждый поступает со своим добром как хочет.

БАКАЛАВР. А что насчет наследования, раздела имущества, прямых и не прямых наследников?

Д И К А Р Ь. Наследование должно быть. Я не смогу больше владеть своим полем, когда буду на нем погребен. Оставляю его своему сыну; если же у меня будет их двое, они поделят его между собой. Я слышал, у вас во многих местах по закону следует отдать все своему старшему сыну и ничего не дать младшим; этот странный закон продиктован корыстью — ясно, что его ввели старшие сыновья либо их отцы, намеревавшиеся возвысить старших.

Б А К А Л А В Р. На ваш взгляд, какие законы наилучшие?

Д И К А Р Ь. Те, что в наибольшей мере согласны с интересами всех людей, моих ближних.

Б А К А Л А В Р. И где же найти такие законы?

Д И К А Р Ь. Нигде, насколько мне известно.

Б А К А Л А В Р. Скажите, откуда взялись ваши люди? Как считается, кто заселил Америку?

Д И К А Р Ь. Мы полагаем, что ее заселил Господь.

Б А К А Л А В Р. Это не ответ. Я спрашиваю о том, из каких стран пришли первые ваши люди.

Д И К А Р Ь. Из той же страны, что и первые наши деревья. Я нахожу забавным, что вы, господа европейцы, полагаете, будто без вас мы ничего не могли бы иметь; у нас столько же прав считать себя вашими предками, как и у вас — воображать себя нашими.

Б А К А Л А В Р. Вот так неуступчивый дикарь!

Д И К А Р Ь. Вот так болтливый бакалавр!

Б А К А Л А В Р. Ну полноте! Еще одно словцо, г-н Дикарь: считается ли у вас в Гвиане, что надлежит убивать людей, держащихся иного мнения, чем ваше?

Д И К А Р Ь. Да, при условии, что вы их съедите.

Б А К А Л А В Р. Да вы шутник. А что вы думаете о *Конституции*¹²?

Д И К А Р Ь. Прощайте.

¹² Речь идет о скандальной булле "Единородный" (лат. "Unigenitus") от 5 сентября 1713 года. В ней папа Климент XI осудил как еретические 101 положение из книги янсениста П. Кенеля "Моральные размышления по поводу Нового Завета", среди которых оказались и цитаты из Блаженного Августина. Ожесточенные церковные прения затянулись на многие десятилетия.